

Рассказанная Мунчжоном история казалась такой неправдоподобной, что я понял, почему её не было в прочитанном мной романе. Я едва улавливал её суть. Услышанное мной было практически невозможным, но я задумался: стал бы кто-то выдумывать такое, чтобы испортить чью-то жизнь?

Прошлая жена отца, мама Хёндю, погибла спустя неделю после рождения сына. При обследовании было решено — причиной смерти стала послеродовая лихорадка. Но отец был убеждён, что произошло убийство. Его заявления в полицию отклонялись до тех пор, пока Кан Рюндю не признали психически нездоровым человеком. Из-за смерти возлюбленной отцу стало хуже, что не могло не сказаться на повседневной жизни, ставшей для мужчины чуть ли не выживанием. Семейные узы окончательно разорвались, когда отец напал на своего младшего брата и стал душить того с такой силой, что разнимать их пришлось троим взрослым мужчинам. Тогда дяде сломали скулу. Старик больше не мог терпеть такого поведения и отправил сына в психиатрическую лечебницу. Именно тогда новорождённый Хёндю вошёл в семью.

Теперь мне стало ясно, что под собой подразумевало «строгое воспитание».

Ребёнка контролировали не только в учёбе. Питание, общение, одежда, даже ходьба — всё это находилось под строгим наблюдением. На личные предпочтения Хёндю всем было плевать. Мальчика воспитывали жёстко, чтобы подравнять под общепринятые рамки. Хёндю приходилось тщательно следить за дыханием и манерой поведения, чтобы никто не смог угадать его мысли. Шли дни, Хёндю ошибался, но слишком хорошо умел подстраиваться под других, чтобы наказания не исполнялись.

Те шесть лет, что отец томился в лечебнице, Хёндю тоже ломался. Так продолжалось до тех пор, пока отец не устроил побег. Его план окончился в Италии, где он встретил мою маму и с её помощью вернул себе Хёндю. С тех пор их жизнь изменилась навсегда.

Хёндю, вернувшийся к отцу, воспринял резкие изменения с нехарактерным для ребёнка спокойствием. Мальчик был, очевидно, в курсе всего, но не нервничал и молча адаптировался к новой жизни. Иногда он едва ли казался живым человеком. Наверное, именно из-за этого у отца были проблемы в общении с сыном, пусть они и были связаны кровно. Отец и сын взаимодействовали по минимуму, пока вновь не появилась моя мама... С тех пор прошло шесть лет. Отец женился на маме, и мы познакомились. До этого отношения отца и Хёндю почти не развивались, но за последнее время произошло столько изменений, что даже Мунчжон пересмотрел своё мнение на этот счёт.

* * *

— Брат!

Закончивший занятия Хёндю влетел в меня и обвил руками за талию. Ранее, казавшаяся нереальной, улыбка теперь гуляла на лице брата с завидной регулярностью. Довольно интересное изменение. Как он смог начать улыбаться, когда шесть лет жил мучениями?

— Просил же тебя не бегать.

— Когда я тебя вижу, мои ноги вместе с сердцем сами начинают носиться.

Хёндю затих, как только я коснулся его разгорячённой от бега щеки... Я почувствовал учащённый пульс под пальцами. Прежде чем это ощущение усилилось, я оторвал руку и с удивлением отметил, что мальчик вырос.

Кажется, ещё рановато скучать по прежнему Хёндю, но я уже в этот момент понял: мне бы хотелось, чтобы брат подольше побыл маленьким. Я переместил ладонь на его макушку, чтобы погладить, но в этот момент его глаза заблестели бескрайним звёздным небом. Что же теперь должно случиться, чтобы вновь заполнить их пустотой? Сейчас я не мог даже представить, что это могло бы стать реальностью. Да и не надо было представлять: этого никогда не произойдёт.

Размечтавшись о том, чтобы Хёндю ещё немного побыл ребёнком, я надавил брату на голову.

— Ау.

Испуганный Хёндю вцепился в моё запястье. Только после этого я живо растрепал его волосы. Скользившие меж моих пальцев пряди казались особенно мягкими. Хёндю не расстроился спутанности волос, лишь искренне рассмеялся.

«Три года. Всего лишь три года».

«Три года до того, как ты сможешь стать счастливым, а я прекращу испытывать несчастье».

Я даже не осознавал, как сильно эта цифра притупила мои ощущения. Если бы полностью понимал ситуацию, вместо того чтобы вечно сомневаться, то задумался бы о природе своего «несчастья». Я просто забыл. Я никогда не был несчастен — лишь неудачлив.

Но осознал я это слишком поздно. История уже началась...

* * *

Может, я оказался во сне?

Иначе я не мог объяснить сегодняшнюю ситуацию. Это был обычный, непримечательный во всех смыслах день. Погода была ни хорошей, ни плохой. Мне было ни жарко, ни холодно. Если и было в дне что-то особенное, так это памятная дата родителей: первая годовщина свадьбы.

В этот день ничего не должно было случиться. По идее, отец должен был сбежать на некоторое

время, после того как увидел маму в ожерелье бывшей жены. Однако теперь ожерелье было у меня, поэтому ситуация была предотвращена. Вместо этого мы всей семьёй решили прогуляться. Конечно, мы могли бы насладиться вкусной пищей и дома, но отец настоял на поездке в дорогой ресторан.

У меня его слащавость всегда вызывала рвотные позывы, но мама была тронута. Это был обычный день. Отец продолжал выделываться перед мамой, мама хорошела и радостно улыбалась нашим с Хёндо подаркам... Идеально обычный день.

По пути домой мы с энтузиазмом обсуждали идею слетать на отдых. Все были возбуждены и на редкость энергичны. Ничего не должно было случиться.

Мы стояли в пробке. Когда светофор загорелся зелёным, мне в глаза ударил ослепляющий свет фар грузовика, подобно урагану несущегося на нас. Время в моей голове замедлилось, но единственным, что я мог сделать, было притянуть Хёндо к себе. Отец выкрутил руль до отказа, но уже было поздно. Грузовик с грохотом влетел в нашу машину. Под оглушающий треск я почувствовал прошедшую по телу волну сумасшедшей боли. Я не мог кричать. Мне оставалось только крепче вцепиться в Хёндо и не отпускать. Автомобиль трясся и переворачивался, из-за чего меня бешено мотало по салону. Звуки стали глуше, зрение затуманилось, а разум поплыл.

Я взглянул на маму. Покрытая кровью, она безвольно лежала на одном месте. Затем я перевёл взгляд на отца. Он был в таком же состоянии. В ушах звучал глухой стук моего сердца.

Боль продолжала распространяться по внутренностям. Дышать стало тяжелее, а мозг работал всё слабее. Я чувствовал усталость и ужасную тошноту, но не мог и рта раскрыть. Так и знал, что фокусироваться на событиях романа глупо, но заикнулся на одной идиотской цифре. Всё это последствия моей собственной глупости.

В ушах зазвенело. Я вдруг обратил внимание на пальцы, впившиеся в мой рукав. Переведя расфокусированный взгляд повыше, я увидел Хёндо. Обычно улыбчивый мальчик плакал навзрыд.

— Брат...

Кап-кап.

Как слёзы с подбородка Хёндо, с моего тела капала кровь. Дрожащими пальцами я попытался вытереть его слёзы, но лишь заляпал его грязью.

— Прости...

Кажется, Хёндо что-то ответил, но я не услышал. Зрение снова помутилось. Стоило мне закрыть глаза, как боль облегчилась, а звуки постепенно исчезли.

Если бы я мог исчезнуть в пустоте...

Тогда пострадал бы только я.

* * *

Я с трудом открыл глаза. Меня окутывала тишина, воцарившаяся в незнакомой мне комнате. Я оказался заперт в прозрачной коробке, не мог пошевелиться или даже издать звук... Лишь кончики пальцев мне подчинялись, но я едва мог ими пошевелить, если это вообще не показалось.

«Что произошло? Это был сон?»

Как я попал в книгу, как стал местным антагонистом, как позаботился о Хёндю, как пережил аварию — всё это промелькнуло в моих воспоминаниях, но не потеряло своей яркости. Однако всё же было легче поверить в то, что я просто попал в кому, и это всё оказалось плодом моего воображения, чем в волшебное перенесение в роман.

«Как долго я спал?»

Раз проснулся, значит, моя жизнь оказалась вне угрозы. Неужели медперсонал проглядел моё требование на отказ от реанимации?

Во мне стал закипать гнев за нежеланное спасение, когда вдруг дверь в тихую комнату распахнулась. Кто-то вошёл. Я подумал, что это один из врачей, которые меня воскресили, и попытался повернуть голову. Но в этот момент человек, поражённый, выронил то, что держал, и бросился ко мне. Я даже испугался, что на меня нападут.

<http://bllate.org/book/12990/1143886>